

Стол был самой обычной высоты. Когда Чу И присел на корточки, его край оказался прямо у него на уровне шеи. Цинь Ихэн взял листок, бегло прочел написанное и уже собирался что-то сказать, но, повернув голову, увидел исполненный ожидания взгляд Чу И. Тот положил руки на стол, уперся в них подбородком и хлопал глазами, не отводя от него взгляда.

Цинь Ихэн проглотил готовые сорваться с языка слова, невольно усмехнулся и поманил Чу И пальцем.

Поняв этот жест, Чу И тут же протянул ему ручку.

Цинь Ихэн черкнул ответ прямо под строчкой Чу И:

«Возвращаться не нужно, надень мое».

Он протянул листок обратно. На этот раз Чу И, словно чего-то опасаясь, вытянул всего одну руку и молниеносно забрал бумажку.

Цинь Ихэн бросил взгляд на монитор компьютера, затем снова на Чу И, и до него дошло. Чу И решил, что он созванивается по видеосвязи, и боялся случайно попасть в кадр.

Чу И уже снова что-то писал. Глядя на его опущенные ресницы, Цинь Ихэн не стал его прерывать и переубеждать, что всего лишь просматривает презентацию.

Дописав, Чу И снова передал записку. Из-за того что в кабинете горела только одна настольная лампа, Чу И находился прямо на границе света и тени. Когда он поднимал глаза, одна половина его лица озарялась мягким светом, а другая оставалась погруженной в полумрак.

Пальцы Цинь Ихэна зависли над клавиатурой; он долго не нажимал на следующую страницу.

Засмотревшись, он встретился взглядом с поднявшим голову Чу И. Переглядывание затянулось на несколько секунд. Похоже, Чу И сам почувствовал неловкость, поэтому подвинул листок чуть ближе и вежливо улыбнулся.

Цинь Ихэн отвел взгляд, взял листок и прочел:

«Не будет ли это слишком хлопотно? Я быстренько сбегаю туда и обратно».

Он ответил:

«Открой шкаф, в самой левой секции висит пижама. Выбери любую».

Цинь Ихэн передал бумагу, Чу И с благодарностью забрал ее.

«Хорошо, спасибо».

По идее, написав это, Чу И мог со спокойной совестью уходить. Он уже собирался подняться, но заметил, что Цинь Ихэн, забрав листочек, снова выводит на нем буквы.

Пришлось снова ждать.

Спустя несколько секунд Цинь Ихэн снова протянул ему листок. Чу И наклонился к свету лампы и прочел:

«В ванной можешь пользоваться всем, чем захочешь».

Чу И ответил:

«Хорошо».

Цинь Ихэн написал следом:

«Я освобожусь еще нескоро. Если клонит в сон, ложись первым».

Чу И опять черкнул:

«Хорошо».

И тут Цинь Ихэн неожиданно спросил:

«Столько времени сидишь на корточках, ноги не затекли?»

Чу И мысленно почесал в затылке: вообще-то ему не пришлось бы так долго сидеть на корточках, если бы директор Цинь ни с того ни с сего не устроил с ним этот бумажный диалог!

Но написал:

«Совсем не затекли. Тогда я пойду в душ. Продуктивной вам работы!»

На этот раз Цинь Ихэн наконец ничего не стал писать. Забрав записку, он лишь кивнул. Чу И понял сигнал и поднялся на ноги.

И стоило ему встать, как за недавнее вранье тут же пришла расплата: ноги пронзила такая колотье, словно по ним ползала тысяча муравьев.

Но раз уж он заявил, что все в порядке, пришлось терпеть. Чу И с трудом выдавил непринужденный вид, помахал Цинь Ихэну на прощание и как ни в чем не бывало направился к двери.

Едва дверь за ним закрылась, Цинь Ихэн поднял листок с их перепиской.

Написано было немного, всего на полстраницы.

У Чу И был замечательный почерк — ровный, аккуратный и очень приятный для глаз, хоть он никогда и не учился каллиграфии. За такой почерк учителя обычно добавляют баллы за чистописание.

Цинь Ихэн сложил листок пополам, затем еще раз пополам и вложил его в книгу, которую недавно читал.

За дверью Чу И первым делом согнулся в три погибели и с досадой постучал кулаками по затекшим бедрам.

Вернувшись в спальню, он открыл шкаф, о котором говорил Цинь Ихэн, и от увиденного у него невольно вырвалось тихое: «Ого!»

В этом весь Цинь Ихэн.

Внутри царил идеальный порядок: костюмы аккуратно висели в одной секции, брюки — в другой, готовые комплекты — в третьей, рубашки — в четвертой, спортивная одежда — в

пятой...

Все на виду. Самая левая — и одновременно самая маленькая — секция шкафа была целиком отведена под пижамы.

Чу И выудил первый попавшийся светло-серый комплект с длинным рукавом, закрыл шкаф и отправился в ванную.

Хотя Цинь Ихэн разрешил пользоваться всеми принадлежностями, Чу И все равно стеснялся трогать его личные вещи.

Одно дело, что Цинь Ихэн проявил великодушие, но, судя по всему, тот терпеть не мог прикасаться к вещам, которыми пользовался кто-то другой. Чу И подозревал у него маниакальную страсть к чистоте.

Утром он не пожал ему руку, вечером отказался надевать тапочки после кого-то другого, даже для регистрации брака достал собственную ручку. И до сих пор между ними не было ни единого физического контакта.

Так что вещи Цинь Ихэна от греха подальше лучше было не трогать.

Вымывшись, Чу И уложил свои вещи в рюкзак, а грязную одежду убрал в приготовленный пакет, чтобы завтра забрать домой.

Он только успел застегнуть молнию, как дверь в спальню открылась.

Чу И обернулся и столкнулся взглядом с Цинь Ихэном.

Тот медленно вошел, глядя на него... вернее, на его одежду.

Чу И смущенно улыбнулся:

— Великоваты немного.

Рукава прикрывали половину ладоней, а штанины закрывали стопы почти до пальцев.

Цинь Ихэн лишь сдержанно кивнул.

Чего Чу И не заметил, так это того, как невольно и судорожно дернулся кадык Цинь Ихэна.

Дальше Чу И делать было нечего — Цинь Ихэн ушел в душ.

Немного посидев в телефоне и морально подготовившись, Чу И забрался на кровать.

Она была огромной: слева помещался он, справа — Цинь Ихэн, да и посередине с легкостью улегся бы кто-то третий. Понятное дело, Чу И примостился на самом краю.

Вскоре из ванной вышел Цинь Ихэн.

Настало время сна. Цинь Ихэн погасил верхний свет, обогнул кровать, как Чу И и ожидал, откинул одеяло и лег рядом.

Матрас слегка просел.

Затем потухла и настольная лампа.

Комната погрузилась в темноту, и Чу И привычно прикрыл глаза.

Вот только уснуть у него никак не получалось.

За все двадцать шесть лет жизни это был чуть ли не первый раз, когда он спал с кем-то в одной постели. Разумеется, он чувствовал себя неловко. И, разумеется, его ждала бессонная ночь.

— Ты спокойно спишь? — внезапно подал голос Цинь Ихэн.

Чу И задумался:

— Вроде спокойно.

Соседи по университетскому общежитию никогда на него не жаловались и даже говорили, что во сне он ведет себя тихо.

— У меня плохой сон, — произнес Цинь Ихэн. — Постарайся не совершать резких движений и не задевать меня.

Чу И затаил дыхание:

— Хорошо.

Чу И замер, не смея шелохнуться. Вскоре со стороны Цинь Ихэна установилась полнейшая тишина.

Прошло немало времени. Волосы у шеи так долго щекотали кожу, что у него уже силы не было терпеть. Чу И подумал, что Цинь Ихэн наверняка заснул, и осторожно, едва ощутимо почесал зудящее место.

Кто же знал, что Цинь Ихэн внезапно шевельнется.

Рука Чу И так и застыла у шеи.

— Не спишь? — раздался в темноте голос Цинь Ихэна.

— Не сплю, — испуганно отозвался Чу И.

Цинь Ихэн больше ничего не сказал. Чу И с трудом дочесал шею и медленно убрал руку.

Спустя пару секунд Цинь Ихэн заговорил снова, и на этот раз его голос звучал заметно ниже:

— Ты использовал не мой гель для душа.

— А? — недоуменно переспросил Чу И. Что в этом такого? Но все же объяснил: — Это мой собственный, я принес с собой.

Цинь Ихэн снова умолк.

Прошло еще полминуты, прежде чем он подал голос. Только в этот раз он произнес:

— Чу И.

Услышав свое имя, Чу И нервно встрепенулся:

— Да?

Голос Цинь Ихэна слегка охрип:

— Как ты относишься к супружескому долгу?

Чу И не сразу сообразил:

— Что?

— Ты согласен? — повторил Цинь Ихэн.

В груди у Чу И вспыхнул жар.

— Д-да, согласен.

Воспоминания о событии месячной давности захлестнули его, чувства и ощущения слились воедино. С той лишь разницей, что сегодня ночью Чу И мыслил предельно четко: он прекрасно понимал, что происходит и с кем именно.

Перед тем как окончательно провалиться в сон, он бросил короткий взгляд на экран телефона — часы показывали три часа ночи.

После этого он проспал до самого утра.

Утренний солнечный свет пробивался сквозь щель в незадернутых шторах, ложась золотистыми полосами на простыню. Чу И сквозь сон медленно приходил в себя и вдруг осознал, что лежит в обнимку с женщиной.

Его обдавало чужим теплом, а на талии покоилась тяжелая рука.

Прежде чем сообразить, что происходит, Чу И на автомате выкрикнул:

— А-а-а!

И тут же вспомнил, как оказался здесь вчера вечером.

Затем вспомнил, почему лежит в этой постели.

И, наконец, вспомнил, почему находится в таком виде.

Этот вскрик с успехом разбудил Цинь Ихэна.

<http://bllate.org/book/18385/1767728>